Окунева И. В.

О ВАЛИКОВОЙ КЕРАМИКЕ ПРИТОМЬЯ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/7-1/54.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 7 (7): в 2-х ч. Ч. I. С. 132-134. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

В рамках первого подхода СМИ рассматриваются как «четвертая власть». Без сомнения, сегодня СМИ играют доминирующую роль в функционировании механизма публичной политики, являясь основным инструментом выражения и во многом формирования общественного мнения. Однако не СМИ и тем более не журналисты при нормально функционирующей политической системы демократического типа осуществляют «четвертую власть». В рамках таких политических систем «четвертая власть» – это общественное мнение, формируемое самим обществом и выражаемое им через средства массового информирования и коммуникаций, включая и традиционные СМИ.

Второй подход органически соотносится с первым и состоит в том, что государственная информационная политика трактуется только как политика государственной власти в отношениях со СМИ.

Действительно сфера СМИ является значимой, но далеко не единственной сферой приложения государственной информационной политики. При этом если единая и целостная во всех своих проявлениях государственная информационная политики действительно направлена на информационное развитие страны в направлении перехода к информационному обществу, то в сфере СМИ ее стратегической целью должно быть развитие сектора СМИ как множества альтернативных источников информации - одного из основополагающих политических институтов современной полиархической демократии. Следует особо подчеркнуть, что принципиальным является не независимость и свобода СМИ, каждое из которых всегда в той или иной степени зависит от его владельца и лишь относительно свободно, а то, что все СМИ независимо от формы собственности должны в совокупности образовывать множество альтернативных источников информации.

К сожалению, не такая политика государственной власти в отношении СМИ реализуется сегодня в России. Исходя из объективной оценки того факта, что СМИ представляют собой наиболее эффективный инструмент в политической борьбе за завоевание и удержание власти, в их отношении власть проводит политику, направленную, прежде всего, на использование СМИ именно в этом качестве, которую трудно характеризовать как государственную в смысле целей и задач информационного развития. Более того, можно констатировать, что для реализации такой информационной политики неправомерно в том смысле, что не для выполнения законодательно установленных государственных функций, а для достижения иных, прежде всего, корпоративных политических целей, используется административный ресурс органов государственной власти как федерального, так и регионального уровней. Естественно, что такая информационная политика предопределяет сокращение количества СМИ, способных играть роль альтернативных источников информации, за счет «огосударствления» в тех или иных формах наиболее влиятельных из них и использования таких СМИ, а также современных сетевых ИКТ для реализации манипулятивных методов массового информирования и агитационно-пропагандистских форм информационных воздействий на население.

Основополагающим инструментом реализации государственной информационной политики является законодательство, регулирующее информационные отношения, которое принято называть информационным законодательством. В настоящее время российское информационное законодательства недостаточно развито и существенно фрагментарно, особенно это касается законодательного регулирования контента информационной среды. Так до сих пор Государственной Думой не приняты такие базовые законодательные акты информационного законодательства как закон о праве граждан на информацию, включая информацию о деятельности органов государственной власти, об информации персонального характера, соответствующий международным стандартам в этой сфере, и другие. В дальнейшем развитии и совершенствовании нуждается законодательство о СМИ, прежде всего, в части касающейся экономических основ их деятельности в современных условиях, и законодательство о праве интеллектуальной собственности на информацию при ее распространении в сетевой информационной среде. Пассивное отношение законодателей, особенно на федеральном уровне к законодательному обеспечению количественного и качественного расширения в интересах граждан контента информационной среды существенно тормозит ее развитие и в целом информационное развитие российского общества и государства.

В заключении следует отметить, что государственная информационная политика, проводимая в настоящее время в отношении массового контента информационной среды и особенно доступа граждан к объективной информации о деятельности органов государственной власти, не способствует устойчивому не только информационному, но, прежде всего, социально-экономическому развитию страны и существенным образом усугубляет проблему отчуждения власти от общества и негативного отношения граждан к политическим и государственным институтам.

О ВАЛИКОВОЙ КЕРАМИКЕ ПРИТОМЬЯ

Окунева И. В.
Кемеровский государственный университет

На поселениях Среднего Притомья известна керамика, орнаментированная налепными валиками. Эти валики могут быть как горизонтальными, так и горизонтальными в сочетании с вертикальными. Такая же керамика известна на поселениях и в курганах Томского Приобья и Среднего Приобья. Особенность этой керамики в том, что трудно найти ей точные аналогии, и по форме, и по орнаментации, не только на территории Западной Сибири, вне Притомья, но и в других регионах.

Орнаментальные композиции, включающие налепной валик, отмечены на довольно широкой территории, в памятниках различных археологических эпох, от неолита до средневековья. Валики, известные на керамике различных территорий и хронологических периодов, можно разделить на группы по технике нанесения: налепные, вытянутые из стенки сосуда, выдавленные изнутри сосуда, рифленый узор из валиков и желобков. По форме сечения налепной валик может быть округленный («полумесяц» в сечении), шириной до 1 см; остроребеpный, то есть треугольный в сечении, шириной 0,2-0,3 см. По характеру расположения валиков на поверхности сосуда можно выделить несколько типов орнаментации. Эти различия иллюстрируют разнотипность валиков и существование самостоятельных орнаментальных традиций.

1. Горизонтальные валики, которые расположены на шейке, горле, плечиках или тулове сосуда в один или несколько рядов.
2. Сочетание горизонтального валика на плечиках сосуда и вертикальных на тулове. Иногда вместо вертикальных нанесены валики, образующие треугольники углами вниз.
3. Валики с перемычками: между двумя горизонтальными валиками расположены короткие вертикальные.
4. Валики-фестоны: от горизонтального валика, расположенного на тулове, перпендикулярно ему вниз идут короткие налепные валики длиной приблизительно 1 см.
5. Валики-«усы»: горизонтальный валик прерывается, и концы его опускаются вниз небольшими отростками.
6. Волнистые валики.
7. Различные комбинации из валиков: геометрические узоры, восьмерки, ромбы, зигзаги.

Орнаментальные композиции, включающие налепной валик, не были еще предметом специального исследования. Исключением является работы И.В. Константинова [Константинов 1978: 79-98], где керамика с этим орнаментом охарактеризована наиболее полно, и статья о валиковой керамике финального периода позднего бронзового века [Черных 1983: 81-99]. Валиковая керамика Томского Приобья обобщена и исследована О.Б. Беликовой и Л.М. Плетневой [Беликова 1983]. В основном же в литературе обычно только упоминается о наличии такой керамики в материалах того или иного памятника. Кроме того, сравнение нашей керамики с валиковой керамикой других районов по публикациям представляет известную сложность, так как часто в литературе не указывается, какова была техника нанесения валиков, их сечение, а иногда и трудно понять, как расположен валик на поверхности сосуда, то есть какую орнаментальную композицию он образует. Обычно вся керамика, украшенная валиками, объединяется в одну группу и определяется термином «валиковая керамика». Если рассматривать все налепные валики, независимо от формы их сечения, орнаментальной композиции, то можно увидеть, что они распространены на довольно широкой территории в памятниках различных эпох – от неолита до средневековья.

Налепные валики известны в основном в памятниках азиатской части России. На территории Восточной Европы встречены единичные находки керамики с таким орнаментом, причём здесь большая часть находок датируется эпохой поздней бронзы. Можно выделить несколько больших областей распространения керамики, орнаментированной налепным валиком: Дальний Восток (Приморье, Приамурье), Якутия, Забайкалье и Прибайкалье, Западная Сибирь, Восточная Европа.

В Приморье налепные валики известны с V тысячелетия до н.э. Широкое распространение получили валики на этой территории в раннем железном веке. [Андреева 1977: 65, 95; Деревянко 1973: 78]. В начале II – второй половине I тыс. до н.э. в Приморье известны валики с перемычками [Деревянко 1973: 117], а также гладкие остроребеpные горизонтальные валики на сосудах со сферическим туловом, корчагах, чашах.

В Приамурье налепные валики известны с конца III-II тыс. до н.э. (заключительный этап неолита Среднего Амура), в осиноозерской, а затем в нижнеамурской культуре [Деревянко 1973: 106, 110]. В первом тысячелетии н.э., в частности, в памятниках мохэ, валики на сосудах были как гладкими, так и рассеченными, иногда имитирующими шнур. В памятниках чжурчженей известны сосуды с гладкими горизонтальными валиками [Медведев 1979: 211]. В это время появляются также сосуды с опущенными валиками-«усами».

В археологических памятниках Якутии керамика с налепными валиками появляется в эпоху бронзы. В раннем железном веке она известна уже на многих памятниках. Керамику с налепными валиками И.В. Константинов связывает с юкагирской этнической общностью (Константинов 1978: 98).

В Забайкалье традиция орнаментации сосудов налепными рассеченными валиками существовала, начиная с эпохи поздней бронзы. Орнамент в виде налепных валиков часто встречается на сосудах-триподах в Забайкалье. Датировка триподов – с конца II тыс. до н.э. до V-IV вв. до н.э., хотя вопрос о происхождении триподов до сих пор открыт. В настоящее время конечной датой существования триподов считается III-II вв. до н.э., то есть начало гуннской эпохи. Валики на этих сосудах были горизонтальные или образовывали геометрические фигуры – зигзаги, ромбы и др. Известны также триподы с вертикальными валиками [Гришин 1975: 42-43; Гришин 1981: 114]. Крупные сосуды с горизонтальными широкими валиками найдены в памятниках хунну; иногда между горизонтальными валиками проходит волнистый. Сосуды бурхотуйской культуры, выделенной А.П. Окладниковым и отнесенной им ко II-VIII вв.н.э., также украшались налепными валиками – горизонтальными, валиками-«усами», «фестонами», геометрическими узорами из валиков.

На Ангаре самые ранние налепные валики известны на неолитическом поселении Падь Шелот [Тарасов 1978: 128]. Керамика с налепными валиками известна на поселениях раннего железного века на средней Ангаре и Илиме, а также в Северном Приангарье. На Енисее керамика, орнаментированная валиками, известна

на поселениях поздней бронзы и раннего железного века на поселениях первой половины I тыс. н.э. [Мандрыка 2003: 39-40].

На территории Западной Сибири в Новосибирском Приобье в памятниках кротовской культуры XX-XIII вв. до н.э. существовали сосуды с широкими горизонтальными налепными валиками, а также с волнистыми. Керамика с налепными валиками есть также в материалах памятников XIII-XII вв. до н.э. в Тюменской области.

В первом тысячелетии н.э. валиковая керамика в Западной Сибири известна на довольно ограниченной территории – Средняя Обь, Сургутское и Томское Приобье, Среднее Притомье. Рассматривая вопрос о происхождении такой керамики, авторы опираются на восточные параллели археологических материалов и высказывают мысль о появлении ее в пределах лесостепи Южной Сибири из районов Восточной Сибири [Чиндина 1977: 142], в частности, бассейна Верхнего Вилюя, Прибайкалья и Забайкалья [Беликова 1983: 118, 123], Нижнего Приангарья и Красноярской лесостепи [Ширин 1997: 69].

Таким образом, коротко историю развития валиковой орнаментации на керамических сосудах, известных в различных регионах, можно представить следующим образом. На отдельных территориях валик появляется еще в неолите, затем исчезает и появляется вновь в позднем бронзовом веке на довольно значительной территории. В раннем железном веке эта керамика известна в некоторых районах Сибири, в частности, в Среднем Притомье. Видимо, это продолжение традиции валиковой орнаментации позднего бронзового века. Затем эта линия развития прерывается. В более позднее время валиковая орнаментация появляется в гуннских древностях и снова исчезает. И последний период появления валиков – вторая половина I – начало II тыс. н.э.

Происхождение этого орнаментального приема, видимо, в основном автохтонное, на некоторых территориях диффузионное и миграционное [Бобров 1987: 156-159].

Вопрос о датировке валиковой керамики, времени ее появления в Притомье и на Средней Оби уже ставился в литературе. Так, валиковая керамика могильника Релка датируется VIII в. [Чиндина 1977]. О.Б. Беликова и Л.М. Плетнева отмечали, что валиковая керамика появляется в Томском Приобье с IV-V вв. н.э. и существует до IX-X вв., причем основная ее часть приходится на середину этого периода [Беликова 1983: 100]. Для керамики с вертикальными валиками была предложена дата в пределах второй половины I тыс. н.э. – начала II тыс. н.э. [Бобров 1987: 158; Окунева 1997: 53]. В настоящее время такая керамика датируется VIII-X вв. [Ширин 2004: 25].

Список литературы

Андреева, Ж. В. Приморье в эпоху первобытнообщинного строя: Железный век (I тысячелетие до н.э. – VIII в. н.э.) / Ж.В. Андреева. – М.: Наука, 1977. – 240 с.

Беликова, О. Б. Памятники Томского Приобья в V-VIII вв. н.э. / О.Б. Беликова, Л.М. Плетнёва. – Томск: Изд-во ТГУ, 1983. – 244 с.

Бобров, В. В. К проблеме валиковой керамики Притомья / В.В. Бобров, И.В. Новгородченкова // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: Тезисы докладов областной научной конференции по разделам «Скифо-сибирская культурно-историческая общность», «Раннее и позднее средневековье». – Омск: Изд-во ОмГУ, 1987. – С. 156-159.

Гришин, Ю. С. Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья / Ю.С. Гришин. – М.: Наука, 1975. – 135 с.

Гришин, Ю. С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья / Ю.С. Гришин. – М.: Наука, 1981. – 203 с.

Деревянко, А. П. Ранний железный век Приамурья / А.П. Деревянко. – Новосибирск: Наука, 1973. – 354 с.

Константинов, И. В. Ранний железный век Якутии / И.В. Константинов. – Новосибирск: Наука, 1978. – 128 с.

Мандрыка, П. В. Городище Шилка-2 – памятник железного века Южной тайги Среднего Енисея / П.В. Мандрыка // История и культура Приенисейской Сибири. – Красноярск, 2003. – С. 32-52.

Медведев, В. Е. О некоторых находках чжурчженьской культуры на Нижнем Амуре / В.Е. Медведев // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 207-215.

Окунева, И. В. Лачиновская культура / И.В. Окунева // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – С. 36-64.

Тарасов, Л. М. Неолитическое поселение Падь Шелот / Л.М. Тарасов, Г.В. Синицына // Древние культуры Приангарья. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 113-130.

Черных, Е. Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии / Е.Н. Черных // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1983. – С. 81-99.

Чиндина, Л. А. Могильник Рёлка на Средней Оби / Л.А. Чиндина. – Томск: Изд-во ТГУ, 1977. – 193 с.

Ширин, Ю. В. Древности Среднего Притомья / Ю.В. Ширин // Очерки истории Кемеровского района. – Кемерово, 2004. – С. 14-28.

Ширин, Ю. В. Поселения конца I тыс. н.э. в предгорьях Кузнецкого Алатау / Ю.В. Ширин // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – С. 65-76.